

Статья опубликована в журнале «Вопросы философии», № 12, 2009,
стр. 94 - 104

Георг Гайзман

Учение Канта о вечном мире и его уникальный философский реализм¹

I

Различные труды Канта о всеобщем мире характеризуются уникальным философским реализмом. Именно благодаря этому они фундаментальным образом отличаются от всех предшествовавших им учениях о мире. Этот реализм проявляется в различных аспектах или уровнях учения Канта о мире. Во-первых, это основные допущения его учения о праве. Во-вторых, это предположения, содержащиеся в его учении о вечном мире. В-третьих, это рекомендации относительно путей достижения вечного мира. В-четвёртых, это доводы, с помощью которых Кант обосновывает свою надежду на вечный мир. И, наконец, в-пятых, это категорическое неприятие Кантом специфической политической «морали».

II

Предметом учения Канта о праве является возможное сообщество *внешне свободных*² существ. Единственно необходимая для этого антропологическая предпосылка обуславливает одновременно саму по себе правовую проблему, а, именно, способность человека в неизбежном сообществе³ с себе подобными к свободным внешним действиям, а также его потребность в таковых. Следовательно, эта эмпирическая предпосылка является ни больше ни меньше как *проблемоопределяющей* по своей сути. Для решения проблемы она роли не играет. Понятие права вытекает чисто аналитически «из понятия свободы во

¹ Использованы следующие переводы трудов Канта на русский язык: *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (=Идея)*; *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (=О поговорке)*; *К вечному миру* – В: **Кант, И. Сочинения, т. 1, Москва, 1994**; *Метафизика нравов (=Метафизика)*; *Религия в пределах только разума (=Религия)* – В: **Кант, И. Собрание сочинений, т. 6, Москва, 1994**; *Спор факультетов (=Спор)* – В: **Кант, И. Собрание сочинений, т. 7, Москва, 1994**. При указании источника сначала указывается соответствующая страница перевода, а затем в квадратных скобках - том и страница немецкого издания **Akademie-Ausgabe**.

² Внешняя свобода (свобода действий) – это способность человека определять свои действия в зависимости от тех или иных поставленных перед собой целей. Внутренняя свобода (свобода волеизъявления) не является обязательной предпосылкой в рамках учения о праве. См.: Georg Geismann, *Recht und Moral in der Philosophie Kants*; in: *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 14 (2006) 3-1124.

³ См. *Метафизика*, 339 [VI.307]; далее *О поговорке*, 281 [VIII.289].

внешних отношениях между людьми»⁴ и не имеет ничего общего с их какими бы то ни было целями.⁵ Свободное от противоречий понятие внешней свободы в контексте человеческих взаимоотношений («независимость от принуждающего произволения другого»⁶) возможно лишь как понятие свободы, ограниченной законом на предмет согласуемости со свободой любого лица. Эту внешнюю свободу можно рассматривать, однако, также и как свободу, не ограниченную законом, который направлен на установление и достижение определённых целей (закон добродетели). Поэтому для определения понятия права вполне достаточна одна лишь форма внешней свободы, т. е. само состояние свободы. Таким образом, право может подразумевать в качестве свободы лишь внешнюю свободу. Этот вывод вплотную подводит нас к знаменитому понятию права, сформулированному Кантом: «Итак, право – это совокупность условий, при которых произволение одного [лица] совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы».⁷

III

В учении Канта о праве помимо понятия права существует также и второй элемент, который приобретает первостепенную значимость прежде всего для учения о вечном мире. Это идея разума естественного (в чисто правовом понимании) состояния человечества. Это берущая своё начало у Гоббса идея состояния людей (а не одного человека!) как совокупности естественных субъектов права в рамках общества, не обладающего ещё публичным правом, т. е. состояние людей без государства.

Гоббс совершенно справедливо называет это состояние «свободой». По его мнению, человек обладает естественной свободой «распоряжаться собственной властью по своему усмотрению в целях сохранения своего естества, т. е. своей собственной жизни».⁸ По аналогии с этим определением кантовское понятие права приписывает человеку естественное («в силу его принадлежности к человечеству»⁹), т. е. прирождённое право использования своей внешней свободы, ограниченной всеобщим законом свободы. Отсюда в чисто рациональном плане и применительно к его естественному состоянию

⁴ О поговорке, 281 [VIII.289] (выделено автором).

⁵ См. *Метафизика*, 422 и далее [VI.382].

⁶ *Метафизика*, 261 [VI.237].

⁷ *Метафизика*, 253 [VI.230].

⁸ Гоббс. *Левифан* XIV 1. Перевод автора.

⁹ *Метафизика*, 261 [VI.237]. Перевод Р. Галеева.

вытекает право каждого человека «дела[ть] на основе своего собственного права то, что ему кажется правым и благим, не завися в этом от мнения других».¹⁰ Это, в свою очередь, полностью совпадает с состоянием общества, в котором каждый сам себе судья. Естественное состояние, понимаемое как состояние естественного права, оказывается в результате правового анализа состоянием возможного в любой момент и в любом контексте правового конфликта всех против каждого, т. е. состоянием бесконечной правовой войны. Отсюда следует, что на человека в качестве естественного субъекта права налагается правовая обязанность по преодолению вместе со всеми остальными людьми естественного состояния и переходу посредством создания государства в гражданское состояние (состояние публичного права). Функцией государства является придание эффективности (естественному) праву человечества и возможным (приобретённым) частным его правам, с тем чтобы он мог приобщиться к своему праву.

Этот результат, а именно, доказательство правовой необходимости государства, был также достигнут на основании чисто рационального анализа идеи разума естественного состояния.

Необходимость публичного права вытекает «аналитически [...] из понятия *права* во внешних взаимоотношениях».¹¹ И на этот раз удалось обойтись без каких бы то ни было антропологических предпосылок, в особенности, без предпосылок из области моральных качеств человечества.

В случае, если усматривать назначение государства (и тем самым, его права) не *исключительно* в обеспечении определяемой законом *внешней* свободы всех и каждого, а (только на поверхностный взгляд дополнительно) в обеспечении свободы как способности действовать на основании *определённых* (моральных или «гедонистских») целей¹², то это исключает возможность формулировки общеобязательного принципа ограничения внешней свободы и, тем самым, правовых границ государственной деятельности.¹³ Задача по повсеместному утверждению права ни в коей мере

¹⁰ *Метафизика*, 343 [VI.312].

¹¹ *Метафизика*, 339 [VI.307].

¹² Право определённого использования внешней свободы зависит в таком случае от права определённого использования внутренней свободы.

¹³ Поэтому «в уже существующую политическую общность все политические её члены как таковые входят только в их *этически естественном состоянии* [в котором каждый сам себе судья добродетели], имея полное право в нём и оставаться [...]. Но горе законодателю, который установления, направленные на этические цели, захочет осуществить путём принуждения! Таким путём он не только создал бы нечто прямо противоположное этическому, но подорвал бы и сделал неустойчивым даже политические основы.» *Религия*, 100 [VI.95 и далее].

не зависит от совершенно иной задачи, а именно создание морального мира. Выполнение первой, первоочередной задачи государства оказалось бы принципиально невозможным, если бы государство участвовало (также) и в выполнении второй задачи. Но без человечества, как сообщества *права*, и государства, как сообщества обеспечения права, создание именно любого *целевого* сообщества людей было бы абсолютно невозможно. Каким иным образом люди могут сообща стремиться к счастью, культуре и, тем более, к «этическому общежитию»¹⁴, если в своей внешней свободе, которая, безусловно, необходима им для этой цели, они строят свои взаимоотношения не на основе права? И если всё же привязать право не к свободе как таковой, а к определённым, преследуемым таким образом целям, то в таком случае государство и его порядок должно расценивать как неизбежное зло. «Зло», потому что собственная свобода ограничивается не на основании общеобязательного принципа. «Необходимое», так как собственные интересы вынуждают ограничить также и свободу других лиц. Типичным следствием такого понимания государства и права является, с одной стороны, политическая апатия, а, с другой стороны, неспособность иного восприятия политики, чем инструмента обеспечения тех или иных собственных интересов. Кант проводит чёткое различие между республиканским и деспотическим строем в зависимости от того, каким образом государство ограничивает внешнюю свободу своего народа: законодательным принуждением на основе принципов свободы или же деспотически установленными законами принуждения.¹⁵ Республиканское государство рассматривает общественное благо (*salus publica*) как «именно то законное устройство, которое каждому обеспечивает его свободу посредством законов, при этом ему не возбраняется искать счастья на всяком пути, который представляется ему наилучшим, если только он не наносит этим ущерба всеобщей законосообразной свободе, стало быть, праву прочих подданных».¹⁶ Однако любое другое государство (с правовым устройством)¹⁷, преследующее в первую очередь и преимущественно иные цели, чем обеспечение только внешней свободы как таковой (например, добродетельность, благоденствие или счастье граждан), является

¹⁴ См. *Религия*, 99 и далее [VI.95 и далее].

¹⁵ См. *К вечному миру*, 441 [VIII.374].

¹⁶ *О поговорке*, 307 [VIII.298]; см. также *Метафизика*, 350 [VI.318].

¹⁷ Гитлеровская Германия – это уже вообще не государство, а естественное состояние, т. е. варварство.

деспотическим, т. е. «при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав».¹⁸

IV

Всё, что было сказано выше о естественном состоянии индивидуумов, в полной мере относится и к государствам. И они «по своей природе» находятся в «состоянии не основанное на законе свободы».¹⁹ Неоспоримое правовое обязательство по преодолению этого состояния и переходу в состояние публично-правовое распространяется также и на них. Достижение гражданского состояния независимых друг от друга (внешне суверенных) государств возможно только лишь посредством (многостороннего) договора. В своём «философском проекте» «К вечному миру» Кант обрисовал в форме двойного договора отдельные шаги на пути к такому миру и подлежащие при этом соблюдению «правовые принципы». Предварительный договор содержит определённые предпосылки, необходимые для того, чтобы сделать *возможным* мир как таковой. В окончательном договоре указаны условия, которые необходимы уже для *реализации* мира.

Первоначальным условием заключения мира между автономными государствами является их взаимное признание в качестве субъектов международного права (предварительные статьи 2 и 5). Идея обеспечения вечного мира на договорной основе сама по себе подразумевает, во-первых, несостоятельность каких-либо имеющихся причин ведения войн (ст. 1). А, во-вторых, она заключает в себе стремление к ослаблению агрессивности (ст. 3 и 4). И, наконец, в случае, если, войны избежать всё же не удалось, эта идея символизирует готовность к заключению мира (ст. 6).

Только на этих условиях, которые все без исключения подразумевают преодоление барьеров на пути достижения мира, можно будет предпринять эффективные шаги на пути к прочному всеобщему миру. Следование каждому из этих правовых принципов позволит внести ощутимый вклад в упрочение

¹⁸ О *поговорке*, 285 [VIII.291]. Бывшему советскому министру иностранных дел Громыко приписывается следующая непревзойдённая по своей лаконичности формулировка принципа (*suprema lex*) деспотического государства: «Нашей целью является благосостояние народа, нравится ли это ему или нет». (Перевод автора с английского. Цитата по: Richard McKeon [ed], *Democracy in a World of Tensions, A Symposium Prepared by Unesco, Paris 1951*, p. 489). И, конечно, задолго до Громыко ту же мысль выразил Великий инквизитор у Достоевского, а задолго до Достоевского - сам Кант: «сделать народ счастливым как бы против его воли» (О *поговорке*, 307 [VIII.298 и далее]. См. также *Спор*, 104 [VII.86 и далее]).

¹⁹ *Метафизика*, 339 [VI.307].

мира, - даже если реализация этих принципов будет непоследовательной и чреватой опасностями.

В в свободном от закона состоянии, в котором первоначально находятся не только люди, но и целые государства, каждый человек (или государство) имеет право до тех пор обходиться с другим человеком (или государством) как с врагом²⁰, пока тот не выполнит требование о совместном переходе в установленное законом состояние: кто не желает права, тот не желает мира. Именно этому посвящён последний и всеобъемлющий постулат практического разума, вытекающий из идеи права: все люди должны признать главенство (общего для всех) всемирно-гражданского устройства. Практическим результатом воплощения идеи права станет «союз народов как мировая республика».²¹

С учётом исторической действительности, т. е. принимая во внимание большое число государств, этот постулат гласит: «Все люди, которые имеют возможность влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству»²², т. е. находиться в том или ином государственно-правовом состоянии, гарантирующим законность. При этом не имеет значения, где осуществляется это «взаимное влияние» - внутри государства, на межгосударственном или даже на глобальном уровне. Применительно к идее всеобщего мира это позволяет выделить три уровня публичного права: государственное, международное и право всемирного гражданства.

Достижение мира возможно только в том случае, если на *каждом* из этих уровней утвердятся публично-правовое состояние. В соответствии с этим, ведущий к «вечному миру» окончательный договор должен состоять из трёх статей, содержащих правовые основы вышеупомянутых трёх уровней.

1) Относящаяся к государственному праву первая окончательная статья гласит: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским»²³, т. е. оно должно соответствовать принципам свободы всех людей, равенства всех подданных и возможной гражданской самостоятельности всех граждан страны, входящих в число законодателей.

²⁰ Имеется ввиду не право *начать* войну против другого государства, а право на вооружение и оборону.

²¹ *Религия*, 35 [VI.34].

²² *К вечному миру*, 373 [VIII.349].

²³ Там же.

О действительном (правовом) мире применительно к внутреннему состоянию государства можно говорить только при этом условии, так как в случае деспотической конституции, противоречащей одному из вышеупомянутых принципов, права граждан отдаются на откуп прихоти власть предержащих, т. е. являются нестабильными.

С другой стороны, с точки зрения межгосударственных отношений агрессивное поведение государства с республиканской формой правления менее вероятно, чем в случае государства-деспотии, так как процессы принятия решений протекают в республике сложнее и медленнее.²⁴ Здесь в принятии решения о войне и мире участвуют (непосредственно или же через органы представительства и инструменты общественного мнения) именно те, кого такое решение коснётся в первую очередь. В разрешении международных проблем политическая общность обычно предпочитает такие методы, которые хорошо зарекомендовали себя во внутренней политике. Следовательно, республика скорее всего отдаст предпочтение мирным, договорным и процессуальным методам.

Идея «республиканизма», кстати, «возникла из чистоты собственного источника»²⁵ и стала всеобщей нормой публичного права²⁶, т. е. нормой как международного, так и права всемирного гражданства. Независимо от того, где и каким образом люди и государства оказываются в состоянии физического взаимодействия, он руководствуются в своих действиях идеей права, а именно, в соответствии с принципами республиканизма как обязательной предпосылкой мира. Таким образом, кто не желает республиканизма, тот не желает мира.

2) «Общечеловеческое государство»²⁷ в качестве универсального порядка обеспечения права и, тем самым, всеобщего мира, является конечной целью. А возможность его достижения остаётся точным мерилom правомочности любых действий государства. Но подобное всеобщее состояние мира по аналогии с особым мирным состоянием, достигнутым отдельно взятыми государствами, возможно лишь как правовое объединение всех государств планеты в одну

²⁴ См. *К вечному миру*, 439 и далее [VIII.373].

²⁵ *К вечному миру*, 377 [VIII.351].

²⁶ См. *К вечному миру*, 373 и далее [VIII.349 и далее]; *Спор*, 108 и далее [VIII.91].

²⁷ *К вечному миру*, 373 [VIII.349].

единственную «общность граждан мира» в виде «всеобщего государства народов» с общими публичными принудительными законами.²⁸

Для ответа на вопрос о том, каким образом достичь это состояние в условиях исторической действительности и в соответствии с принципами права, крайне важно следующее обстоятельство. В отличие от отдельных индивидуумов, отдельные государства представляют собой единые правовые образования, которые уже сами по себе находятся в правовом состоянии и являются что-то вроде островов (более или менее) гарантированного правопорядка в рамках глобального естественного состояния. Пытаясь выйти из этого состояния, они подвергают риску достигнутую уже степень внутреннего правопорядка. То есть, как раз ту степень, которую и предполагается достичь посредством повсеместного её распространения. Применительно к праву человечества они стоят в этой связи перед решением двойной задачи. С одной стороны, они призваны в качестве государств сохранить внутреннюю правовую свободу своих подданных. С другой стороны, принимая во внимание естественное состояние большого числа государств, они должны выполнить дополнительное обязательство, нацеленное в конечном счёте на упразднение собственной государственности: это участие в повсеместном, всеобъемлющем и общем обеспечении правопорядка.

Здесь в международном праве Канта чётко прослеживается его почерк: процесс достижения цели не знает никакого принуждения и состоит из (реалистичных и тщательно продуманных) этапов. Его отправной точкой является внешний суверенитет государств, определяющий как чёткое направление движения, так и его продолжительность. Соответствующим образом сформулирована и вторая окончательная статья: «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств»²⁹ Это, в свою очередь, позволяет сделать два вывода.

а) «Общечеловеческое государство»³⁰ остаётся конечной целью, а возможность его реализации остаётся обязательным масштабом любых правомерных действий государства. Но попытка создания всемирного государства «решительно и немедленно»³¹ может, как учит нас опыт, привести

²⁸ См. *О поговорке*, 343 и далее [VIII.311 и далее]; *К вечному миру*, 395 [VIII.357]; *Метафизика*, 387 [VI.350].

²⁹ *К вечному миру*, 385 [VIII.354].

³⁰ *К вечному миру*, 373 [VIII.349].

³¹ *К вечному миру*, 437 [VIII.372].

к результату, прямо противоположному желаемому: вместо мировой республики – к глобальной тирании.³² И действительно, уже в самой возможности объединения с определённым государством и превращения в более высокое по рангу единство воли заложена гипотетическая потеря свободы и гарантированности права, уже достигнутых внутри страны. Поэтому нежелание *какого-либо* правового объединения с *определёнными* другими государствами никоим образом не следует уравнивать (как в случае индивидуумов) с противоправным отказом от вступления в правовые отношения вообще. Напротив, они, как государства «располагают уже внутренним правовым устройством и не позволяют, чтобы другие государства могли по своим правовым понятиям принудить их принять более развитое правовое устройство».³³ Беспрекословная обязанность каждого государства последовательно добиваться всеобщего мира ещё не означает, что другие государства могут принудить его к этому в законодательном порядке. В особенности война, как средство достижения всеобщего мира, в правовом отношении является совершенно недопустимой.

б) Однако, именно поэтому и с тем, «чтобы не всё было потеряно», необходимо добровольно создать на договорной основе открытую для всех конфедерацию суверенных государств с возможностью роспуска таковой в любой момент, т. е. конфедерацию «вместо позитивной идеи всемирной республики, (которая тем не менее должна полностью сохранить свою силу!) и которая является необходимым и, следовательно, оправданным с правовой точки зрения «негативным суррогатом», не поддающимся правовому принуждению со стороны третьих. Единственной целью такой конфедерации, - если уж всеобщий мир пока не возможен - , должно стать по меньшей мере предотвращение реальных войн «при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления».³⁴ В таком «союзе народов» по предотвращению войн, создание которого и участие в котором являются изначальным правом и обязанностью каждого государства, эти государства носят ещё характер самостоятельных субъектов международного права и как таковые являются возможными свободными звеньями будущей свободно устроенной всемирной республики. Только о таком союзе (и только о нём) можно априори утверждать,

³² См. *О поговорке*, 341 и далее [VIII.310 и далее]; *К вечному миру*, 423 [VIII.367]; *Метафизика*, 387 [VI.350].

³³ *К вечному миру*, 391 [VIII.355].

³⁴ *К вечному миру*, 395 [VIII.357]; см. также *Метафизика* [VI.344].

что он полностью соответствует изначальному праву каждого государства на закреплённую в общезаконодательном порядке свободу. Такой союз не может никоим образом ущемить права какого-либо из государств и, - при всей своей возможной несовершенности, - является прогрессом на пути к всеобщему миру. И здесь, таким образом, находит своё подтверждение вывод: кто не желает союза народов, тот не желает мира.

Относительно следующих шагов на этом пути такой уверенности априори нет, т. е. они сопряжены с риском и могут обернуться неудачей. Тем не менее их необходимо когда-нибудь и как-либо образом предпринять, с тем чтобы мир на Земле не остался всего лишь «неосуществимой идеей».³⁵

Таковые шаги будут, в принципе, состоять в том, что государства (на добровольной, понятно, основе) продолжат создание новых союзов народов с целью, уже выходящей за рамки добровольного предотвращения войны. Для начала может быть создана «федерация, основанная на общесогласованном международном праве»³⁶ с добровольной подсудностью международному третейскому суду, т. е. без общей принудительной власти. Тем самым, удалось бы в общезаконодательном плане по крайней мере определить международное право, даже пока не закрепив его.

Но так как внешний суверенитет государства находится в состоянии неразрешимого противоречия с идеей всеобщего мира, государствам пришлось бы постепенно полностью от него отказаться и объединиться в «общность граждан мира, объединённых под властью одного главы».³⁷ «Последним шагом»,³⁸ необходимым в правовом плане в рамках безоговорочного обязательства по достижению всеобщего мира, станет учреждение «союза государств»³⁹ с неодолимой всеобщей принудительной властью.⁴⁰ Переходное состояние всего лишь временного международного права превратится в состояние окончательного «права государства народов»⁴¹ глобальной федеративной республики как окончательной цели политического развития человечества.

³⁵ *Метафизика*, 387 [VI.350].

³⁶ *О поговорке*, 343 [VIII.311].

³⁷ Там же.

³⁸ *Идея*, 106 [VIII.26].

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. *Религия*, 132 [VI.123]: «всеобщее и полновластное международное право»; *К вечному миру*, 395 [VIII.357]; *Метафизика*, 343 [VI.312].

⁴¹ *Метафизика*, 343 [VI.311] (выделено автором).

Как уже указывалось ранее, всемирное государство в представлении Канта ни в коем случае не должно стать глобальным. Он поистине страшится такого государства⁴² и намерен предотвратить его «федерализмом свободных государств»⁴³, о котором говорится во второй окончательной статье. Поэтому Кант предлагает «союз народов как мировую республику»⁴⁴, т. е. одно единое (глобальное) сообщество права, состоящее из множества регионов, автономных и самостоятельных с точки зрения государственного (но не обязательно международного) права. Степень самоуправления таких регионов может быть достаточно высокой, так что всемирному государству осталась бы лишь функция ночного сторожа. Таким образом, как в начале пути, так и в его конце, будет находиться союз народов по обеспечению свободы её членов. Но подобный союз недолго бы оставался временным и (в лучшем случае) общим. Позднее он превратился бы в окончательный⁴⁵ и универсальный. Постоянная опасность войны была бы устранена окончательно. Зыбкий мир превратился бы в вечный. Безусловно, такой мир сам по себе не означает физическую безопасность, но, однако, безопасность правовую. Об этом Гоббс сказал так: «Однако, не представляется возможным полностью уберечь людей от взаимного причинения вреда [...]. Тем не менее, можно позаботиться о том, чтобы не имела место *справедливая* причина для возникновения страха».⁴⁶ Тем самым устраняется возможность такого использования силы, которое хотя и является самовольным, но, тем не менее, не противоречит праву. Поэтому физический мир (в смысле неприменения военной силы) становится возможным не по простой случайности, а в силу необходимости.

3) До тех пор, пока отсутствует всемирный союз государств в виде федеративного государства, а международное право ещё не превратилось в международное государственное право, в публично-правовом регулировании нуждается последнее незаконное по своей природе и, тем самым, немирное пространство, оставшееся вне сферы миротворческого воздействия государственного или же международного права. Для этого пространства действует сформулированный в третьей окончательной статье принцип:

⁴² См. *Метафизика*, 387 [VI.350]; *Религия*, 35 [VI.34]; *О поговорке*, 342 [VIII.311]; *К вечному миру*, 423 [VIII.367].

⁴³ См. *К вечному миру*, 385 [VIII.354].

⁴⁴ *Религия*, 35 [VI.34].

⁴⁵ См. *Метафизика*, 387 [VI.350].

⁴⁶ Гоббс, Т. *О гражданине*, [VI.3]. (Выделено автором).

«Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства».⁴⁷

Выражаемая здесь воля всемирного гражданства означает помимо всего прочего, с одной стороны, обязательный запрет силовой аннексии⁴⁸ чужих владений, в особенности, запрет «колониализма» и «империализма». Это исключает в принципе даже право гостеприимства, допуская, правда, ограниченное право на получение убежища.⁴⁹ С другой стороны, эта воля в обязательном порядке означает одновременно и всеобщее право на взаимные посещения всех людей и народов как граждан всеобщего мира.⁵⁰

Даже краткий обзор истории человечества, не в последнюю очередь, минувших двух столетий, убеждает нас в великом реализме особенно принципа всемирного гражданства; реализм присущ ему не вопреки, а именно в силу его чисто правового характера. Т. е. политика, ориентированная (хотя бы и просто из соображений благоразумия) на правовые принципы, является единственным путём достижения всеобщего мира. В который раз находит подтверждение вывод о том, что индивидуальный меч является единственным инструментом защиты свободы до тех пор, пока сферы внешней свободы как людей, так и государств не определяются и не обеспечиваются публичными законами принудительного характера. Но каждый раз, когда (по праву, а чаще всего безоосновательно) этот меч находит применение, это не остаётся без последствий. Однако, гораздо важнее в этой связи то обстоятельство, что военные победы не свидетельствуют о победе права. Поэтому военная победа сама по себе никогда не сможет обеспечить состояние мира, а только лишь такое состояние войны, которое известно под названием перемирия.⁵¹

V

Эпохальное достижение учения Канта о мире заключается в доказательстве того, что путь к миру является прежде всего правовым путём, а также путём применения благоразумия в условиях строгого права. При этом все без исключения меры и шаги, которые по мнению Канта представляются

⁴⁷ *К вечному миру*, 397 [VIII.357]. Эта статья предполагает наличие второй статьи и вместе с последней утратит силу после учреждения мировой республики.

⁴⁸ Даже присвоение на договорной основе не должно основываться на неосведомлённости договаривающихся сторон. См. *Метафизика*, 390 [VI.353].

⁴⁹ См. *К вечному миру*, 399 [VIII.358].

⁵⁰ Обеспечение всеобщего мира исключает создание какого бы то ни было «железного занавеса».

⁵¹ См. *К вечному миру*, 477 [VIII.386].

необходимыми на этом пути, обоснованы правом. При разработке своих принципов Кант совершенно не учитывает реалии и именно благодаря этому приходит к своему реалистичному учению. Это относится, во-первых, к чисто рациональному понятию права. Во-вторых, к его также чисто рациональному доказательству необходимости гражданского состояния. И в-третьих, это относится к конкретным шагам, необходимым как для создания предпосылок всеобщего мира, так и для его реализации. Обращение к человеческому естеству в целях осознания этих шагов не только не является необходимым, оно, более того, совершенно для этого непригодно. Человеческое естество имеет значение лишь в рамках возникновения проблемы: в условиях естественного правового состояния конфликт между существами с естественными потребностями в целях удовлетворения таковых может быть разрешён только путём применения силы. Для решения этой проблемы человеческое естество значения не имеет. Кант не собирается требовать от людей отказа от их склонностей или, хотя бы от некоторых из них. Такой отказ, кстати, зависел бы от сугубо личной системы ценностей и предпочтений. Помыслы Канта направлены не на ослабление свойственной человеку задиристости, а на устранение возможных правовых причин конфликта. Процесс «очеловечивания» человечества не устранил знакомые нам всем противоречия между людьми и государствами – подобные конфликты интересов всегда были и будут иметь место впредь. Упомянутый процесс сможет, однако, привести к такой ситуации, в которой конфликты можно будет разрешать не физическими (сила), а рациональными (право) методами. Именно этим война отличается от мира.⁵²

VI

Только после завершающего этапа разработки своего правового учения, т. е. после формулировки правовых шагов на пути ко всеобщему миру, Кант в состоянии и имеет право задать эмпирический вопрос, что он и делает в «добавлении». Всеобъемлющий категорический императив права в обязательном порядке предписывает стремиться к достижению всеобщего мира. Какой-либо эмпирический аргумент против этой заповеди априори несостоятелен, поскольку тогда пришлось бы доказать абсолютную

⁵²

См. *К вечному миру*, 417 и далее [VIII.366 и далее].

невозможность достижения этой цели.⁵³ Несмотря на то, что исторический опыт со всей очевидностью свидетельствует о том, что всеобщий мир ещё не утвердился,⁵⁴ история всё же не в состоянии опровергнуть его абсолютную невозможность. Достаточно краткого экскурса в историю, чтобы убедиться в обоснованности надежд на достижение всеобщего мира. Этот чисто практический интерес является для Канта единственной причиной и единственным обоснованием его довольно «скудной» со всемирно-гражданской точки зрения философии истории, которая по сути дела является придатком его учения о праве. Кант ищет «исторический знак»⁵⁵ как (эмпирическую) «гарантию вечного мира».⁵⁶

Каждый, кто знаком с трудами Канта, знает, что Канту действительно удалось найти некоторые особые знаки в самом «антагонистском» естестве человечества, а именно в его знаменитой «необщительной общительности»⁵⁷: а) как за счёт «внутренних раздоров», так и посредством «войны извне»⁵⁸ народ вынужден заменить анархию своего естественного состояния гражданским устройством; б) «различие языков и религий»⁵⁹ вызывает «обособление» народов в различные независимые государства и тем самым противодействует созданию (деспотической) всеобщей монархии; в) и, наконец, «дух торговли» и «взаимный корыстолюбивый интерес»⁶⁰ помогают народам заменить их милитаризированные и в высшей степени неэкономические взаимоотношения на всемирно-гражданские.

Поскольку мы имеем дело со «свободно действующими существами», то эмпирическая «гарантия», обусловленная «механизмом, действующим в человеческих склонностях»⁶¹, не позволяет сделать какие-либо (теоретические) прогнозы политического развития⁶². Однако, в практической плоскости этой гарантии вполне достаточно – ведь она показывает, что правовая обязанность по утверждению всеобщего мира направлена на достижение «не столь уж призрачной»⁶³ цели.

⁵³ См. *Метафизика*, 391 [VI.354].

⁵⁴ См. *О поговорке*, 339 и далее [VIII. 309 и далее].

⁵⁵ *Спор*, 101 [VII.84].

⁵⁶ *К вечному миру*, 405 [VIII.360].

⁵⁷ *Идея*, 90 [VIII.20].

⁵⁸ *К вечному миру*, 417 [VIII.365].

⁵⁹ *К вечному миру*, 423 [VIII.367].

⁶⁰ *К вечному миру*, 425 [VIII.368].

⁶¹ Там же.

⁶² См. *Спор*, 99 и далее [VII.83 и далее].

⁶³ *К вечному миру*, 425 [VIII.368].

Особенно многообещающий знак Кант открыл в конце своей жизни, а именно, во Французской Революции. Причём, не в самой революции как таковой, а в той воодушевлённой и смелой поддержке со стороны посторонних наблюдателей этого события в остальных европейских странах. Именно такой «образ мышления зрителей»⁶⁴, публично проявленное «всеобщее и вместе с тем бескорыстное участие»⁶⁵, вселяет в него некоторую уверенность в «моральное начало в человечестве».⁶⁶

Второе «добавление» к его труду о достижении всеобщего мира с содержащимся в нём «философским» проектом мира призвано определить активную роль философии в интересах достижения поставленной цели, а именно, для локализации возможного местоположения философии публичного права в самой системе (позитивного) публичного права и, тем самым, правовое значение самого трактата Канта. Определение роли философии мы находим в единственной «тайной» статье: «государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности всеобщего мира».⁶⁷ Тот, кто намерен (и призван) создать мир, достойный человека как существа разумного и, тем самым, существа свободного, тот обязан прислушаться к профессиональному голосу разума. Это не имеет ничего общего с требованием Платона о философах-королях. Наоборот, было бы желательно, чтобы у каждого было своё определённое занятие, «так как обладание властью неизбежно повреждает свободное суждение разума».⁶⁸ Будет вполне достаточно, - а для интересов как политики, так и философии, как мира, так и размышлениях о нём ещёи полезно, - если подобные размышления станут достоянием общественности, т. е. «чтобы ... [не] исчез или умолк класс философов, [и получил] возможность выступить публично».⁶⁹

Тонко иронизируя над повсеместной практикой международно-правовых договоров, Кант утверждает, что статья, определяющая роль философов в политике, может (и даже должна) быть единственной тайной составной частью публично-правового договора. Только государство в лице своих представителей обладает непосредственным правом и обязанностью

⁶⁴ *Спор*, 102 [VII.85].

⁶⁵ Там же. Перевод Р. Галеева.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *К вечному миру*, 427 [VIII.368].

⁶⁸ *К вечному миру*, 429 [VIII.369].

⁶⁹ Там же.

предпринимать шаги, необходимые для достижения мира как между отдельными народами, так и в глобальном масштабе. При этом государство не может и не имеет права ни отказаться от связанных с этим ответственности (и достоинства), ни «поделить» их с кем-либо, ставя свои отношения с философами на публично-правовую основу. Вероятный совет философа никак не может быть предметом публичного права. Следовательно, регулирование взаимоотношений «королей» и «философов» может происходить только «тайно»: государственный деятель, как и полагается, несёт единоличную ответственность за проводимую им политику, но при этом «тайно» (да и не только) прибегает к совету философа и, как минимум, делает такой совет возможным, позволяя философу свободно высказывать свои мысли.

VII

Учение Канта о мире является по своей сути правовым учением. Поэтому свои размышления как относительно эмпирической «гарантии вечного мира», так и о значении специалиста для учения о праве в конкретных условиях, в которых ещё только предстоит воплотить в жизнь это учение, Кант помещает в так называемые «дополнения». Они являются составной частью учения о мире, но не самим правовым учением. Они содержат не указания относительно необходимых правовых шагов, а размышления о значении и шансах договора о мире. Идеи первого добавления с практической точки зрения носят теоретический (эмпирический) характер и являются поэтому частью философии истории. Содержание второго добавления относится к «политике как практическому правоведению».⁷⁰ Оба добавления подразумевают сам трактат, т. е. правовое учение, и не имели бы в отрыве от него никакого смысла, поскольку установление как «практической точки зрения», так и того, что «подлежит исполнению», необходимо осуществить заранее. Даже если бы результаты размышлений в дополнениях оказались бы иными, в двух договорах о мире не пришлось бы изменить ни одного слова.

В гораздо большей степени это относится к тем идеям, которые Кант осознанно поместил в двух «приложениях» к договору о мире. Они содержат как бы метаразмышления о практическом статусе моральности и благоразумия, а также об их взаимном влиянии в политике.

⁷⁰ *К вечному миру*, 431 [VIII.370].

Моральная основа права и его безусловная обязательность были заложены Кантом вне учения о праве, а именно, в «Основах метафизики нравов» и в «Критике практического разума». Поэтому моральный закон, имеющий обязательный характер применительно к человеческой (как внутренней, так и внешней) свободе, может и даже должен являться предпосылкой, а также считаться доказанным в рамках учения о праве как учения о долге. Поэтому в правовых размышлениях о всеобщем мире отсутствует не только необходимость, но даже какая-либо возможность повторного рассмотрения этого предмета. Вполне достаточным представляется лаконичное напоминание читателю о том, что на человечество возложена безоговорочная и совершенная правовая обязанность по достижению всеобщего мира. Обсуждению, однако, подлежат правовые обязанности как таковые – а это уже является сферой (правовой) легальности.

Кант аргументирует в пользу строгого соблюдения законности, т. е. строгого выполнения правовых обязанностей – в силу обязательств или склонностей. Да и приходится ли ожидать от такого явления как человеческая природа, что удастся «смастерить из такого кривого дерева что-нибудь совершенно прямое?»⁷¹ Действительно, от человека нельзя ожидать соблюдения права ради самого права. Однако, с учётом реальной действительности и, кроме того, без какого-либо эмпирического (видимого) отличия будет совершенно достаточным соблюдение права в силу «отчасти правильного понимания собственной выгоды».⁷² Соблюдение права как норма поведения представляет собой не только моральное требование,⁷³ но также и настоятельное требование высшей политической мудрости. Только близорукий рассудок тех, кого в ходовом понятии этого слова принято считать умными, может прийти к выводу, что несоблюдение права способно обеспечить политические дивиденды. Внимательно приглядевшись к событиям международной политики, мы без труда поймём, что все вызывающие ужас и осуждение её аспекты являются не чем иным, как прямым следствием нарушения принципов права – как в далёком и недавнем прошлом, так и в современности. А островки мира и цивилизованности являются не чем иным, как следствием законосообразного (в особенности республиканского) устройства и господства права.

⁷¹ *Религия*, 105 [VI.100].

⁷² См. *Спор*, 110 [VII.92].

⁷³ См. *Метафизика*, 254 [VI.231].

Тем самым априорный аргумент об обязанностях, обусловленных принципом права как категорическим императивом, Кант дополняет убедительным эмпирическим аргументом, согласно которому принцип права можно также интерпретировать как гипотетический императив (благоразумия). Независимо от того, носит ли стремление к миру категорический или гипотетический характер, оно может принести свои плоды только при определённых правовых условиях, многие из которых, кстати, были уже перечислены Гоббсом. Этот философ как никто другой понял, что в условиях господства права его разумно обоснованный обязательный характер в случае необходимости может быть заменён авторитетом государства, а добровольное следование принципам права – принудительной силой государства. Человечество в состоянии решить проблему достижения мира, поскольку для этого вполне достаточны простые принципы благоразумия. Свойственная благоразумию пронизательность убеждает, что соблюдение принципов права – дело стоящее «даже для народа, который состоял бы из дьяволов (если только они обладают рассудком)».⁷⁴

Перевод Р. Д. Галеева

⁷⁴

К вечному миру, 419 [VIII.366].